

Анна Матвеева
ГОРОЖАНЕ

*Удивительные истории
из жизни людей
города Е.*

*Посвящается
всем жителям Екатеринбурга —
лучшего в мире города!*

Анна Матвеева

ГОРОЖАНЕ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ
ГОРОДА Е.

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М33

Художественное оформление *Ирины Сальниковой*

В оформлении переплета использована фотография Анны Матвеевой (фотограф Дмитрий Скутин)

Идея книги принадлежит **ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР**

Матвеева, Анна Александровна.

М33 Горожане. Удивительные истории из жизни людей города Е. : [рассказы] / Анна Матвеева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 347, [5] с.

ISBN 978-5-17-100421-7

Книга «ГОРОЖАНЕ» — это девять новелл, восемнадцать героев. Один необычный город глазами Анны Матвеевой: лицом к лицу.

Здесь живёт драматург с мировым именем Николай Коляда, родился великий скульптор Эрнст Неизвестный, встретились когда-то и подружились опальный маршал Жуков и знаменитый уральский сказочник Бажов. Владимир Шахрин — ещё не ставший лидером легендарной группы «Чайф» — меняет пластинки на барахолке, Евгений Ройзман — будущий мэр — читает классиков в тюремной камере; на улицах эпатирует публику старик Букашкин — незабываемое лицо города. Ещё стоит нерушимо Ипатьевский дом — место казни императорской семьи, а будущий хозяин города Борис Ельцин — пока только студент.

Новая книга Анны Матвеевой о всех них — людях, домах, историях города Е. Парные портреты ярких личностей соединяют дальние века и рифмуются судьбами.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Матвеева А.А.

© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-100421-7

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕХ МЕЛЬПОМЕНЫ

Ян Вутирас и Виталий Волович

7

ИМЯ НА КАМНЕ

Константин Матвеев и Александр Матвеев

35

ПАРТИЯ В ПОДДАВКИ

Павел Бажов и Георгий Жуков

61

ДОРОГА В НЕБО

Георгий Бахчиванджи и Эдуард Россель

83

ДОМ, КОТОРЫЙ...

Николай Ипатьев и Борис Ельцин

109

ТЫСЯЧА МЕЛОЧЕЙ

Евгений Малахин (Старик Букашкин)

и Николай Коляда

149

ВЕСЁЛЫЙ БОГ РАБОТЫ

Белла Дижур и Эрнст Неизвестный

203

ГЛОРИЯ МУНДИ

Василий Татищев и Евгений Ройзман

245

КАК СМЕНИТЬ ПЛАСТИНКУ

Владимир Мулявин и Владимир Шахрин

317

Литература

345

Благодарности

349

СМЕХ МЕЛЬПОМЭНЫ

- 1, 4 Виталий Волович — художник, который любил
петь
- 2, 3 Ян Вутирас — любимец свердловских театралов
- 5 Виталий Волович и Михаил Брусилковский

1

Мальчику — десять лет, театру — двадцать шесть, городу — двести пятнадцать.

Даты определяют жизнь и судьбу, как в опере всё определяет тембр голоса. Теноров любят сильнее, чем баритонов, тенор — герой по определению, а баритону всякий раз приходится доказывать, что он тоже может им стать.

Голоса из чёрных репродукторов долгое время не имели судьбы и жили отдельно от тел, зато у них были имена — тарелки на столбах задушевно объявляли специально для мальчика: *поёт Ян Кипура* (похоже на Йом-Киппур, если произносить быстро), или *Беньямино Джильи* — имя звучит без всякой музыки, оно и есть — музыка. Ария Рудольфа из «Богемы»: «Холодная ручонка, надо вам её согреть...»

Мальчик не примерял к себе голоса из чёрных тарелок — воистину инопланетные в бе-

ло-сером графичном Свердловске. Разве что в школе пел вместе со всеми и даже танцевал, как умел, — трот-марш.

Мимо театра мальчик ходил довольно часто — белое, со взбитыми сливками, здание-торг. Со всем ещё молодой театр, совсем невеликий мальчик, туман будущего — лист бумаги, на котором пока ещё ничего не нарисовано. Над ним думают, вертят в руках так и этак. Мальчик любит рисовать, возможно, он станет художником. А театр, говорят, был построен по образцам одесского и венского — но мальчик не был ни в Одессе, ни в Вене, ему не с чем сравнивать. Ещё говорят, что проект театра назывался женским именем «Светлана», поэтому мальчик мог бы считать Светланой одну из трёх девушек, пристроившихся на фронто́не здания, но мальчик много читает и знает, что это — музы. Талия, Мельпомена, Терпсихора. Мельпомена — главная из трёх сестер, нечеховских не-мойр. Она самая высокая (три метра сорок сантиметров) и держит над головой факел — всё правильно, трагедия всегда во главе, и только в свете её факела можно различить другие события жизни — радости, успехи, недолгое счастье...

Родился мальчик далеко от Свердловска: если смотреть по карте — закружится голова, если приставить к ней (к карте, а не к голове) школьную линейку — длины не хватит. Иногда не получается мерить всё одной линейкой.

Владивосток, где жила его мама, и Спасск-Дальний, где родился он сам, — далёкие точки на географической карте. Владивосток так опасно висит на боку материка, что кажется, вот-вот рухнет в воду, а рядом с городом Спасск-Дальний кто-то пролил синюю каплю — озеро Ханка. Невозможно представить себе, как мальчик жил бы в этих городах-точках, они не имеют никакого отношения к ним с мамой — и к Свердловску.

Его мама — писательница Клавдия Филиппова, единственный родной человек. Так сложилось, что других родственников у мамы с мальчиком нет — во всём мире, в Свердловске, в Спасске-Дальнем, в Одессе и тем более в Вене. Конечно, у него был отец (отцы есть — или, по крайней мере, были — у всех), но тот человек не хотел быть отцом и сказал маме фразу, которая будет горячо биться в висках мальчика всю жизнь: «Выбирай: или я, или ребёнок».

Она выбрала ребёнка, назвала его самым живым, жизненным именем — Виталий. Потом, в очень далёком будущем, расстояние до которого тем более не измерить школьной линейкой, одна умничающая девушка расскажет, что Виталий — монашеское имя: мирян так прежде не называли, не было принято. Второе монашеское имя, по сведениям девушки, — Виктор. Интересно, что мальчика дома называли Витей, а не Виталиком или Виталей.

Ну вот уж монахом он точно не был! И с девушками не только умничал, но всё это было позже. А в 1938 году, когда чёрные тарелки пели на разные голоса, они уже довольно долго жили в Свердловске — почему мама выбрала из всех российских городов именно этот, суровый, заводской, графичный, мальчик не знает и не знает. Возможно, потому что он был расположен очень далеко от Спасска-Дальнего, где жил мужчина, не желавший стать отцом, но ставший им? Глядя на Мельпомену, упрямо освещающую фонарём площадь Парижской коммуны, мальчик думает — возможно, потому, что здесь был оперный театр.

В Свердловске его мама много работала, у неё выходили книги, она дружила с коллегами, и они любили её — хотя писатели обычно никого не любят, особенно коллег. К маме нежно относился Павел Петрович Бажов, пока что не превратившийся в бюст на фасаде библиотеки имени Белинского. Ещё один перескок в будущее — иначе нельзя, если пишешь о прошлом. Юная краеведка показывает иностранному гостю бюсты на фасаде Белинки, бойко перечисляя: «Толстой, Маяковский, Белинский, Мамин-Сибиряк, Горький, Пушкин...» Как вдруг запинается, глядя на Бажова: «А это, а это... ещё один Толстой!» Иностранец не удивился — точнее, он уже устал удивляться российскому свое-

образию, и почему бы дважды не увековечить на одном и том же фасаде великого русского писателя?

В 1938 году никто не думал о мемориальных досках и славе...

Мама вышла замуж, у отчима были свои сын и дочь, а ещё у него были отличная библиотека, патефон и пластинки. На одной из пластинок записаны куплеты Эскамилльо:

Стремясь вперёд,
он кровью уж обагрят цирк
Тут у многих духу не хватает.
Твой черёд настаёт!
Тореадор, смелее!
Тореадор, тореадор!
Знай, что испанок жгучие глаза
В час борьбы блестят живей,
И ждёт тебя любовь, тореадор!
Там ждёт тебя любовь!

Мальчик до недавней поры с удовольствием ходил в цирк и очень любил его — но Эскамилльо поёт совсем о другом цирке. По-русски поёт — все оперы в Свердловске, как и в других театрах СССР, исполнялись в переводе. *Зрители должны понимать, о чём идёт речь на сцене.*

— Это из оперы «Кармен», композитор Бизе, — объяснила мама.

Одноклассница Аля Рылова, в которую мальчик страстно влюблён (он всегда влюблён — для него это нормальное состояние, а не наоборот), ходила в театр *слушать* эту оперу. Ещё одно открытие — оперы не смотрят, а слушают.

Теперь они идут в театр вместе: десятилетняя девочка и десятилетний мальчик — кажется, с ними увязался кто-то ещё, друзья из поющего класса.

Три года до войны.

Билеты на галерею — самые дешёвые, мальчик не знает, что истинные ценители всегда выбирают места *повыше*: здесь самый лучший звук. Жаль, что декорации с галёрки не рассмотришь в подробностях и лица артистов приходится додумывать... В антракте они обязательно спустятся в партер, сидят на стульях фирмы «Тонет», сунут нос в яму, где скучают брошенные инструменты, и — снова вверх по лестнице, *знай своё место*. Где-то там, над ними, Мельпомена тянет вверх свой факел. По улице сани везут корзину с торфом, покрытым брезентом, мама прячет в шкаф керосинку, которой почему-то нельзя пользоваться в доме, а здесь, на сцене, — Испания, Севилья, табачная фабрика. И вдруг выходят люди — артисты, в костюмах, как и должно быть в театре: но вместо того, чтобы говорить, они начинают петь! Кто бы мог подумать, что в опере поётся всё — не только ария про холодную ручонку или куплеты Эскамильо.

Можно спеть целую жизнь.

(Или нарисовать.)

Ни петь, ни рисовать — как говорят о крепко выпивших — это не его случай. Его случай — выбрать одно из двух, вырастить голос (у него — солидный баритон, ну ладно, баритончик!) или положить на тот, внутренний, неслышимый голос художника, который в детстве заставлял его плакать от отсутствия чистого листа. Не на чем рисовать — вот это горе.

А вдруг получится и то, и это? Берёшь два горошка на ложку, хватаешь сразу двух зайцев за уши и удобно садишься между двумя стульями фирмы «Тонет» — почему бы и нет? Бородин вообще был химиком — но написал «Князя Игоря». А Чехов — врач. А мальчик представляет себя солистом оперы (лучше бы, конечно, тенором) и в то же время художником, придумавшим декорации к «Аиде», «Травиате», «Фаусту»...

Отныне мальчик ходит в оперный почти каждый вечер — билетёрши кивают ему, как знакомому, иногда пускают бесплатно.

Дома он рисует или читает о рыцарях Круглого стола: так увлекается, что не слышит мамин голос из-за стенки:

— Я ещё утром просила тебя вынести помойное ведро!

Свердловск — выцветший дагерротип, из которого так легко и приятно уйти в другое время, где